

Татъяна ФОРШ

КАК НАЙТИ ФЕНИКСА

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф80

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *О. Горбачика*

Форш, Татьяна Алексеевна.

Ф80 Как найти Феникса : фантастический роман / Татьяна Форш. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Фэнтези-бестселлер).

ISBN 978-5-699-85657-2

Вот так и бывает в жизни! Не угадаешь, за кого замуж угодишь! Вроде и богатый, и красивый, и положительный, а чуть копни — тайн по жизни больше, чем у меня в шкафу платьев! Но не будь я настоящей принцессой Василисой Премудрой, если не узнаю, как моего дорогого супруга по-настоящему кличут-величают, как он, в конце концов, действительно выглядит и чего от него ждать. Правда, для этого его, в одночасье пропавшего в какой-то Тьмутаракани, сначала надо найти. А может быть, даже и спасти придется. Но что не сделаешь во имя любви! Ну и... для удовлетворения любопытства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85657-2

© Форш Т., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Где-то в Пепельном мире...

Каменные ступени уходили вверх и растворялись в кружащемся пепельном мареве. Узник в миллионный раз пересчитал их. Ровно двадцать семь. Если бы клетка, в которую его заточили, не лишала колдовских сил, он бы уже давно позабавился, сделав количество ступеней больше. Гораздо больше! Чтобы его враг спускался к нему так долго, как только это возможно!

Вот интересно, а Пепельный заметил бы такую вольность?

Узник почесал заросшую жесткой щетиной щеку.

Вряд ли! За эти бесконечные дни его мучитель не вспомнил о нем ни разу.

Взгляд с тоской скользнул по изгибам черных гор, клочку серого неба, видневшемуся из проклятой клетки.

Проклятый мир!

Мир рабов. Мир чудовищ. Мир Пепельного демона...

Узник в отчаянии стиснул прутья решетки и прикусил губу, разглядывая свои изъеденные огненными язвами руки. Он уже привык к огню, сжигавшему его изнутри, потому что боль, уничтожавшая его душу, была гораздо сильнее.

— Все бы отдал, только бы узнать, как она, что с ней.

— А «встань передо мной» — кто говорить будет? — Перед глазами появилось крохотное белое облачко, из

которого вылепился странный горбатый конь размером чуть больше мухи и, наворачивая круги перед носом онемевшего от изумления заключенного, принялся ехидно зудеть. — Значит, «все отдать» мы согласны, а по форме это сделать — не судьба?

— Ко... ко... ко... — От удивления узник начал заикаться, а крылатая бестия тут же подлила масла в огонь.

— Может быть, по-куриному это прозвучало бы именно так, но... сделка есть сделка! Ник, если это ты — дай знак. А то я тут шпионом заделалась, уже неделю по клеткам летаю да мысли подслушиваю. Ведь по-другому не понять, кто есть кто. Все такие красавчики — аж оторопь берет! У твоего хозяина, видимо, пунктик на том, чтобы сделать других еще страшнее, чем он сам. Хотя вряд ли такое возможно.

— Кобылка?! — наконец выдохнул узник, обретя дар речи, и тут же с опаской огляделся. Ну и что, что его клетка стоит на пустынной площадке, за которой растворяющаяся в сером тумане пропасть — надо быть осторожнее! Иногда он даже чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Впрочем, «чей» — нетрудно догадаться! Либо Пепельного, либо его стражей. — Откуда ты здесь?! Я тебя не вызывал, — едва слышно шепнули его губы.

— Так вызови! — не таясь, громко фыркнуло крылатое нечто. — И все оформим в лучшем виде! Так сказать, без заинтересованных в тебе посредников!

— Ты сейчас о ком?

— Как о ком? О подопечном моем! Я ему бонусом это желание оформила, а попутно контракт продлила! Или забыл, что я, Кобылка-горбылка, тружусь и днем и ночью, желания таким, как вы, обалдуюм фактически за «спасибо» выполняя?

— Ты о Борьке?! — Ртутные глаза пленника загорелись радостью, едва он подумал о жеребце, принадлежавшем жене. Василисе... Как там они? Ведь и попро-

щаться не успели, когда Пепельный демон унес его в свою преисподнюю¹. — А что он пожелал?

— Тю! Что-то ты, батенька, в этом подземном царстве-государстве тупеть начал! — Крылатая «конемуха» на бреющем полете заложила мертвую петлю и, устроившись у пленника на переносице, поучительно зазудела: — Пожелал он тебя найти! Ну и попутно выведать все: как жизнь, как здоровье. Кстати, может, ты о Василисе чего узнать хочешь?

— Больше жизни! — забыв об осторожности, выпалил тот.

— Тогда учи слова вызова. — Кобылка на мгновение настороженно замерла и, пискнув: «Жду ответа, как соловей лета!» — с легким хлопком исчезла.

Узник потер переносицу, все еще не веря в произошедшее. О нем не забыли! Его ищут! Его помнят!

— С кем это ты тут говорил? — Раздавшийся в пустоте вкрадчивый голос заставил Ника поспешно отойти от решетки. Затаив дыхание, он хмуро стал разглядывать мучителя.

Пепельный! Его высокая, закутанная в черный плащ фигура появилась на верхней ступеньке лестницы, точно соткавшись из кружащегося в воздухе пепла. Выжженные бельма глаз холодно уставились на пленника. Капюшон не скрывал его уродства, выставляя на обозрение огненные язвы, испещрившие лицо.

Ник поморщился. Сейчас он и сам выглядит не лучше. Из-за черного ритуала Пепельного он постепенно терял свою внешность, становясь его подобием, как все его рабы. А если он таким останется навек? Будет ли Василиса его любить? Да чего там любить... будет ли помнить его таким, каким он был прежде?

¹ О том, что случилось с героями этой истории до знаменательной встречи Ника и Кобылки-горбылки в магической тюрьме Пепельного, читайте в книге «Как выйти замуж за Феникса». (Примеч. авт.).

— С кем ты говорил, раб? — Пепельный повысил голос и принялся медленно спускаться, с каждым шагом приближаясь к нему.

— Со своими мечтами! — буркнул Ник, вжимаясь в каменную стену. Терять уже больше нечего! Вряд ли Пепельный пришел к нему просто поговорить. — Ты сделал все, чтобы у меня не было собеседников...

— Я не совершу дважды одной и той же ошибки! Один раз я уже позволил тебе сбежать... — Его мучитель спустился еще на пару ступеней, вскинул в сторону пленника руку и, кривя в ухмылке тонкие обожженные губы, стиснул пальцы в кулак, будто сжимая что-то невидимое.

Ник скрипнул зубами, чувствуя, как кровь, струившаяся по венам, взбурлила, превращаясь в лаву, выгрызающую на коже огненные узоры, будто стремилась выплеснуться в этот мир, и рухнул на каменный пол.

— Тебе никогда отсюда не выбраться! Через сотню-другую лет о тебе забудут! Ты сам забудешь, как тебя зовут! Слышишь меня, раб? Но для начала я приготовлю тебе персональную пытку... Как думаешь, твоя ненаглядная Василиса согласится скрасить этот мрачный мир? За то время, пока я искал украденное тобой у меня кольцо, я даже как-то привык к ней... — Кулак мучителя сжался еще сильнее. — Ты не достоин ее! Ты не ценишь тот дар, что она дает тебе! Дар быть живым!!!

Но пленник его уже не слышал. Теряя сознание от невыносимой боли, он продолжал шепотом повторять то единственное, что возвращало ему желание жить.

О нем не забыли!

Его ищут!

Его помнят!

Глава 1

— Эх, жарко-то как... — Афанасий запрокинул голову, прищурился, разглядывая раскаленный белый шарик, упрямо сопровождающий нас вот уже какой день, и ругнулся. — Чтоб тебя! Уже и из проклятущей Шамаханской пустыни вырвались, а на небе ни облачка!

Жеребец Борька обернулся, косо взглянул на нас черным глазом и, шумно вздохнув, поплелся вперед.

Все его мысли стали понятны даже без слов: «Дармоеды, захребетники! Только стонать и можете! Вам-то хорошо на моей спине, а каково мне?» И это если тактично пропустить несколько нелестных эпитетов и взывания к нашей совести, какие бы непременно последовали, обрети он дар речи снова. Эх, хорошо-то как было, пока он мог говорить! Пока Пепельный не сделал из него молчаливое перевозочное средство, а из меня, царской дочки, — бродягу, которая уже и не знает, приведет ли нелегкая ее домой... Меньше всего повезло моему мужу Никите! Его Пепельный забрал в свое царство, и я буду не я, если его не найду и не освобожу.

— Ничего, Борька, еще пару дней — и даст бог, доберемся до папенькиного царства-государства! — Я хлопала верного друга по загривку. Единственное, что есть сейчас у нас — это надежда и вера, что все будет хорошо! — А пока двигай во-он к тем стогам, что на пригорке стоят.

Борька снова вздохнул, но уже не так печально, и прибавил шаг.

Подозрительное дымное марево накатило внезапно, заставив меня закашляться, а едва мы поравнялись со стогами, к дымной горечи добавился сладковатый запах свежего жаркого. Вот только желудок, вместо того чтобы издать голодный вопль, подпрыгнул к горлу, заставляя меня давиться тошнотой.

— Что там горит? — Я прищурилась, вглядываясь в дымную завесу. Постепенно она становилась все гуще и гуще, скрывая за собой все... ну, или почти все, что осталось от построек после случившегося здесь пожара. — Мне кажется, местность какая-то знакомая... — Старательно повертев головой, я подметила привычные очертания колодцев, прятавшихся за стогами, не тронутыми огнем.

— Насколько я могу быть уверенным... — Афанасий, или Афон (когда-то он был Змеем Подгорным, превращенным в чудище Пепельным, но после нашей встречи с ним и произошедших с Афоном перемен язык не поворачивался обзывать его пресмыкающимся), тоже внимательно огляделся и указал на колодцы. — Я знаю только три деревни, которые всегда славились чистой родниковой водой. И при въезде в них путники могли отведать этот нектар богов.

— Да. Я поняла, что ты хочешь сказать. Это пожарище и есть деревня Колодцы. Вопрос — какие? Большие, Средние или?..

— Если судить по небольшому количеству как колодцев, так и домов — это Малые Колодцы. Были... Что скажешь?

Хм...

Я помолчала, разглядывая остовы домов.

— Если бы я оказалась тут несколько дней назад, то, совершенно не смущаясь, свалила бы всю ответственность за произошедшее на Пепельного, а сейчас... Даже и не знаю, что можно предположить. А если наведаться в деревню? Все равно кто-нибудь да выжил. Вот и узнаем, что произошло...

— Не возражаю... — Афанасий шустро прыгнул с жеребца, тут же ойкнул, подержался за спину и смачно потянулся. После разминки взялся за поводья, готовый вести нас с Борькой к пепелищу, как вдруг жеребец упрямялся, уперся передними ногами в кочку и отчаянно замотал головой, не забывая ритмично притопывать задними копытами.

— Опять коняшка-морзяшка? — Я подозрительно нахмурилась, наблюдая за Борькиным танцем, но... Все же этот странный язык лошадиных «жестов» был лучше, чем полная неспособность к общению нашего друга, а по совместительству средства передвижения.

Афанасий помолчал, не сводя глаз с приплясывающего коняги. И забормотал:

— Какого лешего мы поперлись на это пожарище? Может, решили у халявного костра погреться? Или грабежом заняться? Да что тут говорить, совсем без Ника распоясались! Особенно некоторые!

— Афон, тебе плохо? Дыма надыхался? — сочувственно поинтересовалась я, про запас держа мысль о том, что он всего лишь переводит на человеческий язык Борькины пляски. Его ответ не заставил себя ждать и подтвердил догадку.

— Мне-то хорошо. Просто озвучиваю мысли нашего друга. — Афанасий дождался, когда жеребец наконец-то успокоится, и грустно улыбнулся. — Хотя мне нравилось куда больше, когда ему не требовался перевод! Все вспоминаю, как он мне о пользе вегетарианства вещал, когда я его у своей пещеры примотанным к дереву обнаружил. Эх...

Борька решил поддержать воспоминания и снова начал притопывать, но я решительно прервала их ностальгический диалог:

— Значит так! Переведи этому ущербному, что его дело копытами передвигать и желательно в ту сторону, в какую велят! А не нравится — завсегда можем

Пепельного вызвать, чтобы он его тоже в тартарары забрал!

Афанасий с готовностью открыл рот, чтобы повторить мои слова жеребцу, но, поняв бессмысленность действия, только виновато развел руками. Борька обиженно фыркнул и, гордо подняв голову, направился в сторону пожарища, всем видом показывая, *что* он думает о моем ответе и вообще о таких, как я.

Я встретила с укоризненным взглядом Афона и, ничего не ответив, зашагала вслед за Борькой.

Что ж, так проще. Не готова я сейчас слышать о Нике. Ни-че-го! Хотя... интересно, а его вправду зовут Никита Заречный? Тогда почему его называют Феникс? Для красного словца? Или... Да какая теперь разница! Еще неизвестно, найдем ли мы муженька моего...

Хотя Афанасий сказал, что найдем...

— Что же тут такое произошло? — Афон остановился и, прислонив ладонь козырьком ко лбу, внимательно огляделся. Впрочем, искать ответы среди этих дымящихся, обугленных и порушенных лачуг было бессмысленно. В глазах потемнело, острая боль скрутила живот и... Не знаю, что в ту минуту со мной произошло, но пока длился приступ, я будто ощутила страдания и ужас погибающих, услышала предсмертный вой обреченных.

И словно очнулась. Осмотрелась и, избегая взгляда Афона, как можно равнодушнее произнесла:

— Пожар здесь случился! Что же еще? Смотри... — Я хотела указать на уцелевшее капище, куполами устремившееся в небо, и предложить поискать там выживших, но меня снова скрутила боль. Да еще какая! Охнув, я рухнула на колени, пытаясь обуздать вышедшее из повиновения тело. Теперь я знаю, что чувствует несчастный, который вместо воды вдруг решил глотнуть расплавленного свинца!

— Василиса?! — Ко мне подскочил Афанасий, и даже Борька, жевавший в отдалении траву с темно-серым на-

летом пепла, почуял неладное и в два прыжка преодолел разделяющее нас расстояние.

— Иго-го?!

Надо что-то сказать! Надо успокоить друзей!

Едва сдержав стон, я попыталась выдавить из себя внятное объяснение, раскрыла рот, да так и замерла, разглядывая необычное видение, полностью заслонившее собой картину пожарища. Я четко увидела еще дымящиеся руины дома, рядом с покривившейся на один бок яблоней, на удивление совершенно не пострадавшей от огненной стихии. Более того, моя фантазия до того разгулялась, что мне показалось, будто я могу видеть сквозь стены. Что я вижу подвал, а в подвале спрятавшегося за бочкой с квашеной капустой мальчугана лет семи.

— Василек?! — Афанасий сжал мои плечи. — Что с тобой?!

Боль, вместе с туманом видения, неохотно рассеялась, и я поняла, что смотрю в сочувствующе выпученные глаза Афона. Даже став человеком, он все равно неумовимо напоминал свою вторую ипостась.

— Никогда не называй меня так! — не то простонала, не то прокряхтела я, пытаясь выбраться из кольца его рук.

— Ах, да-да! — спохватился он, но руки не убрал, а поднял меня на ноги. И только убедившись, что я стою и падать не собираюсь, отстранился, но встал так, чтобы можно было меня в любой момент подхватить. — Кажется, тебе не нравится, когда тебя так называют?

— Не нравится... — Я постояла, разглядывая пожарище, и, следуя какому-то наитию, свернула в ближайший проулок, уходящий между пепелищ в дымное облако. Не знаю, что за видение меня посетило, но чую — не зря! Ну не зря меня так скукожило! А вдруг здесь и вправду найдется похожий дом, где в подвале прячется живой малыш?

— Вась, ты обиделась? Ну честно! Не хотел! Точнее, хотел, но не мог... Хотя, наверное, мог, но... И вообще — я дурень! Прости, а?

— Иго-го-го-го... — ехидно пропел ему в ответ Борька.

Интересно, что это могло означать на человеческом языке?

Нет, смысл я уловила, но вот обороты, синонимы, афоризмы, что рождаются в голове моего жеребца, так просто не придумаешь! Их слышать надо!

— Афон, забудь, ладно? — отмахнулась я. — Можешь звать меня как хочешь, хоть чурбачком, только в огонь не кидай! Лады?

— Лады! — Афанасий ожил, в два шага догнал меня и вкрадчиво поинтересовался: — А куда ты идешь? Может, проще обойти с подветренной стороны? Там и дыма не так много...

Не останавливаясь, я мотнула головой.

— Нет, мне нужно туда. Потому что... — И запнулась, не зная, как сказать о своем странном видении. Подумав, скомкала объяснение: — Хочу, и все! А кому не нравятся дым — никто не держит!

— Да нравится, нравится! — тут же замахал руками Афанасий и украдкой вздохнул. — Что-то я в последнее время мазохистом становлюсь...

— Иго-го? — уточнил Борька, поравнявшись с ним.

— И не говори... — вздохнул тот.

Какое-то время мы брели молча. Впрочем, желание говорить начисто отбивал густой едкий дым. В центре пожарища клубы дыма будто бы обретали плоть, становясь осязаемыми. Они забирались в нос, заставляя заходиться в кашле, щипали глаза, делая нас почти слепыми. Боже, какая я дура, что повелась на какое-то там видение! Да мне наверняка от зеленых яблочек, нарванных вчера с дички, поплохело, а я себя уже в медумы записала!

— Вась, не знаю, что тебя сюда понесло, но, кажись,

мы деревеньку — того! Почти прошли! — прохрипел над ухом Афон и, вежливо подхватив под локоть, уверенно потащил вперед. — Вон ту яблоню минуем и по-скачем дальше!

— Яблоню? — насторожилась я, пытаюсь разглядеть опознавательный знак сквозь дым. — Кривую?

— А... гм... тебе сильно важно, мимо какой яблони пройти? Ну... может, у тебя какая-нибудь примета... Например — семь лет счастья не будет, если, выползая из пожара, пройдешь мимо кривой яблони.

Ну что ты будешь делать с этими волшебниками? Обязательно подковырнуть надо, не разобравшись! Или, может, он считает, что я дыма перенюхала?

Я было хотела все это высказать, но тут до меня дошло:

— Кривой? Ты сказал кривой?!

— А я о чем? — Судя по настороженному голосу Афанасия, мой ответ подтвердил его худшие опасения. — Так какая разница?

Тут порыв ветра всколыхнул дымную муть, и я, не отведив, со всех ног бросилась вперед. Туда, где рядом с обгоревшим остовом лачуги высилось, наклоняясь ветками к дороге, непонятно как уцелевшее в этом пекле дерево.

— Ты что — смерти ищешь?! — Афанасий, надо отдать ему должное, медлил всего секунду, а затем кинулся за мной. Следом послышался ритмичный перестук копыт Борьки. — При чем тут эта яблоня?!

— Там, внизу, в подполе — ребенок! Не спрашивай, откуда я это знаю, просто поверь! — Перед деревом я остановилась и обернулась к Афону. — Сможешь расчистить путь к подвалу?

— Гм... — Афанасий подошел и с сомнением оглядел руины. — Расчистить? Да легко... было бы раньше, когда я был Змеем. А теперь ведь на такие фокусы магическую силу тратить надобно.